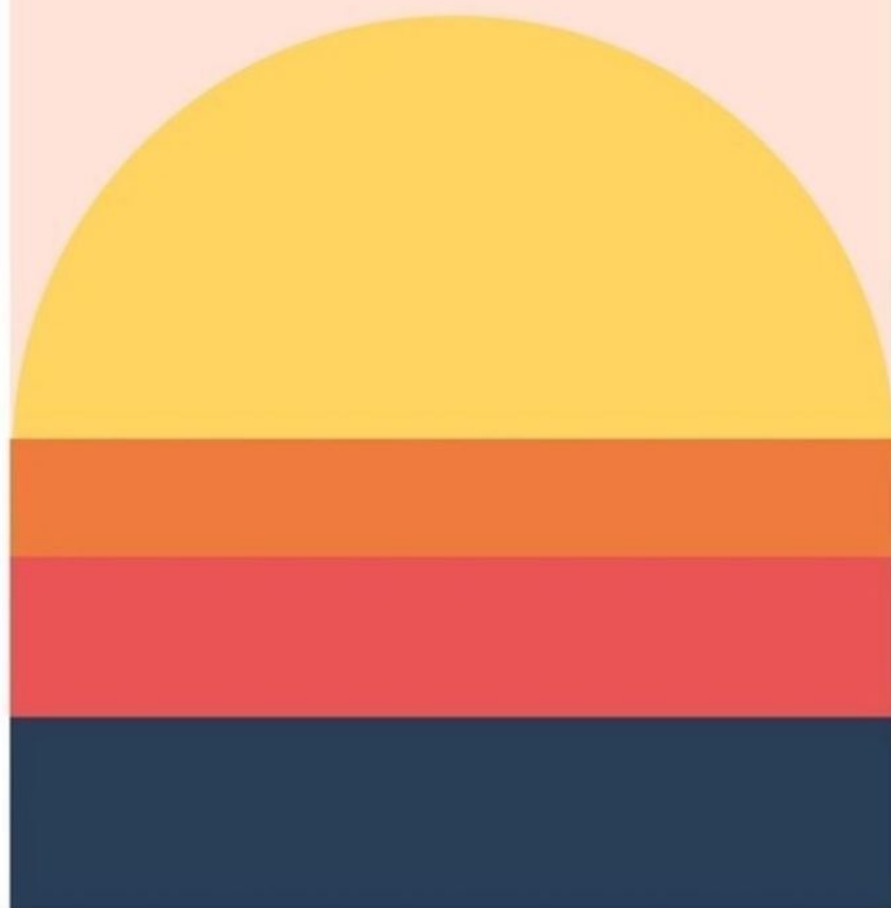

ДЕНЬ ГОНДВАНЫ

ЕВГЕНИЙ ПЫШКИН

Евгений Пышкин

**День Гондваны.
Эзотерика и Мифология**

«Издательские решения»

Пышкин Е.

День Гондваны. Эзотерика и Мифология / Е. Пышкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741707-9

Его зовут Сатх Ной. Ему пророчат великое будущее, но верит ли он сам в эти сказки, хотя дар у него есть. Только дар не дает права становиться сыном богов, или властителем Гондваны, или величайшим мудрецом на Острове. Для чего посещают странные видения? Может, это только игра?

ISBN 978-5-44-741707-9

© Пышкин Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Эзотерика	6
ГЛАВА 1. Сон, не сон	6
ГЛАВА 2. Прибытие на Остров Богов	11
ГЛАВА 3. Храмы и слова	16
ГЛАВА 4. Пророчество	20
Сон первый	22
Сон второй	22
Сон третий	23
Сон четвертый	23
ГЛАВА 5. Избранный и реликвии	25
ГЛАВА 6. На празднике и после него	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

День Гондваны Эзотерика и Мифология

Евгений Пышкин

© Евгений Пышкин, 2021

ISBN 978-5-4474-1707-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Эзотерика

ГЛАВА 1. Сон, не сон

Ручей нес тихую песню, журча и переливаясь мелодией, как тысячи колокольчиков. Вода бледно-голубой лентой начинала путь в горах у нижних границ снежных шапок. Тонкие струи, шепча, прокладывали дорогу из-под толстого слоя фирна до небольшого озера.

Солнечные лучи, едва пробиваясь сквозь листву, переплетались с песней ручья, и, казалось, не вода, а свет стекает по выточенному водой желобу. Камень влажно поблескивал.

Здесь всегда приятно отдохнуть на камнях. Забыть ненадолго о том, что сопровождало, и будет сопровождать тебя сквозь время. В полдень деревья хранили утреннюю прохладу.

Сатх, прижав колени к груди и обхватив их руками, сидел на камне. Он сосредоточенно всматривался в течение ручья, слушая журчанье, следил за игрой света. Так проходило каждое утро. Он пытался уловить в этом что-то родное и близкое.

Сатх расслышал звук шагов. Песок тихо зашелестел. Он обернулся и увидел девочку, подошедшую к озеру. Она, делая вид, что не замечает его, зачерпнула воды и поставила кувшин на плечо.

– Здравствуй, – прозвенел ее голос серебряным колокольчиком.

– Здравствуй, – осторожно произнес он.

Она улыбнулась.

– Меня зовут Мирна, а тебя?

– Сатх.

– Это хорошо.

И Мирна ушла. Она растворилась подобно призраку.

Сатх припомнил ее движения. Они оказались скупыми, но ловкими и быстрыми. Вот Мирна наклоняется к глади, ее лицо отражается на зыбкой поверхности и тут же исчезает в ряби, зачерпывает воды, ставит кувшин на плечо – и всё наполнено красотой. Короткое мгновение встречи длится и длится, и вновь начинается сызнова, повторяется, как загадочный сон.

Мать не могла не заметить странную задумчивость сына, когда тот вернулся домой с озера.

– Сатх, о чем ты думаешь?

– Я на озере видел девочку. Она пришла за водой. Ее зовут Мирна.

– Мирна?

– Кто она?

– Возможно, дочь куратора Амата Нея. Ней – древний род. Помнишь, я тебе рассказывала историю объединения Гондваны? Прапрадед Мирны – куратор, что служил при Дионе, последнем владетеле западной части страны. Затем восток и запад стали единым целым. Но почему, ты, задумчив? Она тебе понравилась?

– Не знаю. Я...

Сатх смутился. Он не нашел нужных слов. Понравилась ли она? Привлекла внимание – да. Но Мирна – краешек дивного мира, сладкий ломтик странного воспоминания о потерянном рае. Будто эпизод забытой жизни. Среди пения птиц, шелеста листвы и голоса воды он явился из тех загадочных мест.

Но задумчивость Стаха развеяли друзья. Они – Астар, Зарэт и Ригз – пришли и позвали с собой.

Отец, вернувшись, спросил:

– Руи, где сын?

– Ушел с друзьями, Вирн. Кстати, Сатх видел Мирну.

– Дочь куратора Ган-Дион-Тира? – Руи кивнула. – Неудивительно. Их дом, насколько мне известно, неподалеку. – Вирн сосредоточено посмотрел в глаза жены. – И что он сказал о ней?

– В том-то и дело, что ничего определенного. После встречи с ней он сам не свой. Задумчив. Может, он влюбился?

– В таком возрасте? Нет. Просто Мирна ему понравилась.

– Уверен? – и в голосе Руи прозвучали те ноты, которые мог понять только Вирн.

Он впервые увидел Руи в детстве. Затем были встречи и расставания, но дороги их судеб сошлись вновь. Теперь для того, чтобы никогда не расходиться.

Не нужно было объяснений. Вирн понял намек Руи. Могло показаться, что прошлое воскресло опять. История повторяется, но на этот раз с Сатхом.

...

– Привет, Сатх, – сказал Астар. – Мы тут одну игру придумали. «Последний бой» называется.

– Я не люблю играть в войну, – ответил Сатх.

– Это не про войну. Мы решили разыграть последние дни двух царств.

И Астар рассказал о театрализованном представлении, что видел в столице. Там на арене юноши и девушки танцевали переодетые в богов и людей. Боги – Хаос, Матерь Мира – и духи незримо присутствовали в театре мистерий. Они были рядом. Люди не слышали и не видели их, но чувствовали сердцем и разумом. Танец без слов, лишь жесты: мягкие и плавные, жесткие и резкие – все они выражали эмоции. Ломаные движения рук и резкие выпады корпуса, точно тело пыталось пробиться сквозь невидимую сеть – это служители Хаоса. Свободные и неприужденные – духи Матери Мира.

Именно это и предложил Астар. Зарэт и Ригз принесли высохшее дерево.

– Это будет началом всего, – пояснил Зарэт с серьезным видом.

Толстую узловатую ветвь поместили в центре нарисованного круга. Круг – граница арены.

– Нет, а все же, что такое начало всего? Не Хаос же? – поинтересовался Ригз.

...

Урок проходил под открытым небом в ажурной тени деревьев. Учитель Хайм Длаз, подождав пока дети разложат циновки на камнях и устроятся удобнее, окинул их взглядом и произнес:

– Здравствуйте. Пришло время знакомиться. Начнем с ближайших ко мне учеников и закончим дальними местами.

Ученики, не спеша, представились. Каждый упомянул свою касту, назвал имена родителей, немного рассказал о себе.

– Замечательно, – произнес Хайм. – Обо мне вы уже слышали и знаете мое имя. Пусть сегодняшней темой занятия будет вчерашний день. Им не стоит пренебрегать. Только легкомысленный и безучастный человек отмахивается от него: ну, подумаешь, ну, был день, и не стало. Или: а вот еще один день прожит, слава богам! Поэтому вопрос: кто что делал? Начнем с тебя, Ригз.

– Учитель, я вчера с друзьями играл в историю о воссоединении Гондваны. Мы начертили на песке круг, а в центр положили сухую ветвь. Вот эту ветвь мы называли началом всего, но что значит начало всего, так никто и не объяснил. Так что же это? Разве Хаос?

– Хороший вопрос для твоего возраста, – улыбнувшись, сказал Хайм. Он окинул взглядом детей, будто ища ответа, и вновь посмотрел на Ригза. – В начале времен, а точнее до всего, до пространства и времени, был Хаос, а затем зародилось время, из него появилась Матерь Мира. Вот тебе и ответ, если говорить кратко.

– Но как это может быть? Как из ничего является что-то? – удивился Ригз.

– О Хаосе нельзя сказать, что он – ничего. Он нечто со знаком минус. Он находится по ту сторону бытия. Так лед и вода суть одно и то же, но при разных условиях. Солнце согревает лед, он перестает существовать, превращаясь в воду. Я говорю сравнениями. Солнце – это время, лед – Хаос, Матерь Мира – вода. Но властитель небытия не хочет понимать, что Великая Матерь есть его продолжение. И неизбежно возникает время, которое переплавляет беспорядок в гармонию. Таков вселенский закон. – Хайм Длаз сделал паузу, чтобы перейти к другой теме. – Ты, Ригз, упомянул о возникновении единой страны. Так вот, это событие тоже подчинено универсальному закону, внутри которого действуют малые силы. Здесь многое переплетается: разная степень ответственности за одинаковые преступления и принцип меньшего зла. Вот об этом последнем и хотелось сказать сегодня.

– Учитель, а как можно по-разному отвечать за одинаковые преступления? – спросил Амат. – Я ходил с отцом на судилище, это там, на площади, где проходят праздники. Так вот, чиновник судит одинаково, если проступки одинаковые.

– Конечно. Ты прав абсолютно. Но ты говоришь о суде земном, о земных законах. Я же, указав на ответственность, имел в виду законы небесные. Людские законы должны приближаться к небесным законам, становясь высшей справедливостью. Приведу пример. Убийство – преступление, но оно может быть оставлено богами без внимания. Если один человек напал на другого, хотел ограбить, и обороняющийся убил нападавшего, то он не считается преступником. Но порой случается обратное. Грабитель убивает жертву. То, конечно, мы говорим о преступлении. Опять же, возвращаясь к первому случаю, когда разбойник погибает, то мучения, испытанные им во время ухода в иной мир, снимают часть груза ответственности за совершенные ранее злодеяния. Этим примером я хочу показать, что арифметика кармы сложна, она доступна во всей полноте только мудрецам. Лишь жизненный опыт приносит осознание того, как действует этот механизм. Но я хотел вспомнить вновь историю воссоединения Гондваны и сказать, что не все ратовали за единую страну. Противники нового государства попали в тюрьмы, часть сбежала, кого-то убили. Вопрос. Можно ли оправдать принесенные жертвы во имя иного устройства? И вот тут действует принцип меньшего зла. Что случилось, если бы существовали восточная Гондвана и западная Гондвана? Наверно, случилась бы новая война, тысячи убитых, сотни разоренных домов, десятки вымерших деревень. То есть произошло бы большее зло. И когда боги видят, что в туманном грядущем есть возможность большего кровопролития, то делается ими все лишь бы избежать этого. Оправдывается ли убийство противников объединения страны? Нет. И кто пошел на это убийство после смерти не избежал оков Хаоса. Но доля страдания их в том мрачном мире меньшая, ибо они предотвратили большее зло. Когда вступите во взрослую жизнь, не все будет просто, как я рассказал на примере, ибо в жизни происходит столкновение кармы отдельного человека и кармы общества. Кроме того, есть мгновения, когда надо принимать быстрое решение, некогда думать, некогда взвешивать на весах справедливости разные меры. Бывает, что времени у вас много, чуть ли не вечность, но постичь какое решение станет правильным, вы не можете. – Хайм Длаз посмотрел на детей. – Люди хотели жить в единой стране, и они пожертвовали собой ради этого. Мы не смеем осквернять их память. Но каждая из враждующих сторон по-своему права. Закон жесток? Но сам закон меньшее зло в сравнении с хаосом.

Учитель вновь сделал паузу и закончил:

– История о разбойнике и жертве – ясный пример. Держите его всегда в голове. А будете взрослее, поймете и сложные явления. На сегодня всё. Есть какие-нибудь вопросы?

– Учитель, – произнес Сатх. – Я много раз слышал о «Книге Начал». Вы читали ее?

– Конечно. – Хайм удивился. – Ты хотел бы ее прочесть?

– Да.

– Есть древняя копия этой книги. Она находится на Острове Богов. Но и в наших библиотеках ты сможешь найти это писание. Хочешь, я провожу тебя и покажу книгохранилище?

...

Пока они шли в сторону библиотеки, Длазу показался странным интерес Сатха к «Книге Начал». Конечно, он всегда поощрял тягу к знаниям, но не слишком ли рано Сатх Ной сделал первый шаг к ним? Сейчас не тот возраст, чтобы действовать. Сейчас важно для ученика одно: внимать и запоминать, складывать драгоценные крупы знаний, чтобы потом ими воспользоваться. «Он решил взять вершину не по своим силам», – подумал учитель.

Они пришли в книгохранилище и осмотрелись. Был небольшой зал для приема посетителей. В углу стоял грубо сколоченный стол, на нем аккуратно лежали несколько свитков. Рядом со столом – чаша-факел на треножнике. Далее виднелся коридор. Вдоль его стен располагались полки, больше похожие на квадратные ячейки с лежащими в них металлическими цилиндрами. Они приковали внимание Сатха.

– Здравствуйте, учитель Длаз, – поклонился библиотекарь. – Что вы желаете взять?

– «Книга Начал», – ответил Хайм.

Когда библиотекарь принес рукопись, учитель и ученик проследовали до конца коридора и повернули налево, где находилась читальня.

Сатх занял стол и, развернув свиток, посмотрел на Длаза.

– Я тебя ненадолго оставлю, – понимающе произнес Хайм.

И Сатх начал читать.

«В начале времен был Хаос,
он метался один среди пустот.
Он понимал, что у него ничего нет,
кроме него самого.
«Да и я быть, увы, не могу,
ибо кто я?», – подумал Хаос.
Он одержим великим желанием: быть.
И однажды случилось так.
Внутри него зародилось время.
А из времени вышел дух,
назвавший себя Матерью Мира.
И Хаос понял:
«Я совершил ошибку,
ибо время – порядок,
а я – отсутствие оного,
Я не могу существовать во времени».
И древний дух решил уничтожить его.
Но Мать Мира воспротивилась этому.
Хаос силен был, но одинок,
Мать Мира слаба, и потому
создала она себе в помощь
духов тысяч солнц, чтобы развеять тьму.
И они помогали ей.
И Хаос возненавидел ее
и себя за то, что создал время.
И захотел древний дух вернуть все к безвременью.
И люди, что называют великую битву сражением
между добром и злом
всегда говорят о войне
между временем и безвременьем...».

Сатх читал и читал дальше, все больше погружаясь в сказочный мир, застывший в иероглифах. Новые слова, как неведомые сущности, выныривали из глубины времен, вызывая странные и непонятные чувства. Память о них частично стерлась, но она превратилась в музыку. Это была музыка вселенной. Мелодия не грозная и бушующая, а спокойная и убаюкивающая. Сатх не заметил, как погрузился в нее. Дневной разум померк, и сознание отправилось в завораживающее путешествие по сновидениям. Сатх увидел сон: морское побережье, и закатное солнце окрасило песок и воду розовым цветом. Шелест песчинок. Будто желтая струйка, рассыпаясь, бежит по сухому пергаменту. Звук приблизился. Сатх обернулся. Перед ним плясал суховой. Песок вихрился, и вдруг исчез. На его месте возник старец.

– Меня зовут Свис. Я дух пустынь и сухих ветров, – сказал незнакомец. – Мать Мира послала к тебе. Она знает, что беспокоит твой ум. Ты еще не можешь облечь беспокойство в слова, но я вижу, искра иного сияет внутри. Ответь на вопрос: кто автор «Книги Начал»?

– Даже гондванские мудрецы не ведают об этом.

– Хочешь узнать имя?

– Я не думал об этом.

– Отправляйся на Остров Богов, Сатх.

– Вы знаете, как меня зовут?

– Ты очень странное существо. – Старик задумался на мгновение. – Я упомянул о Матери Мира, а она знает, как тебя зовут.

– Теперь понятно.

– Отправляйся на Остров Богов.

Сатх протянул руку к Свису, но она прошла сквозь старца, и мальчик почувствовал прикосновение множества песчинок. Песок сыпался на кожу. Старец превратился в суховой и вскоре исчез.

– Сатх, проснись, – прозвучал голос Длаза.

– Учитель?

– Я не хотел тебя тревожить. Ждал, но ты не выходил из библиотеки. Много прошло времени. Уже вечер. Тебе пора домой.

А Сатху чудилось, что сон о духе пустынь продолжается. Может, тот старец был похож на учителя? Может, это опять сон. Сатх внимательно посмотрел на Длаза.

Тот заметил пристальный взгляд и спросил:

– Что-то случилось?

– Учитель, а вы знаете, как добраться до Острова Богов?

– Конечно. На корабле. Если будет хорошая команда и попутный ветер, то за два восхода можно доплыть. Но тебе это зачем? Вроде рано.

Хайм улыбнулся.

– Мне надо туда.

– Станный ты. Сначала «Книга Начал». Теперь Остров Богов. Я не возражаю, но учти, без присмотра тебя никто непустит.

– Значит, я поеду?

– Всеу свое время, – задумчиво произнес учитель.

Он вновь поймал внимательный взгляд Сатха, и стало тревожней на душе. Хайм решил, что перед ним другой ребенок. Тело то же, а душа изменилась.

ГЛАВА 2. Прибытие на Остров Богов

Сатха волновал тот старец. Появившись раз во сне, он больше не беспокоил, но вопрос свил гнездо тревоги: «Зачем надо плыть на Остров Богов? Неужели автор „Книги Начал“ жил там?» Но стоило ли обращать внимание на сон? И тогда всплыла фраза, услышанная когда-то: «Иногда то, что считается сном, таковым не является. Бывает, что это просто видение».

Ум Сатха оказался слишком молод, чтобы провести границу между игрой воображения и прозрением. Смутил Свис. Почему Мать Мир послала его известить? И почему Свис явился ему? Вопросы, вопросы и вопросы без ответов. Вопросы как куски мозаичного полотна, рассыпаясь, не стремились к порядку, и невозможно понять, на какие из них стоит обращать внимание, а какие отбросить в сторону?

Спустя пару дней после сна в библиотеке, Сатх решил, что это связано с сыном богов. Почему? Он и сам не знал. Чудесная сказка Вирна Койя о сыне богов виделась интересной игрой ума, но не более. В названии этой легенды слышались «непостижимость» и «недостигаемость». Как если б Сатх смотрел с равнины на самую высокую гору. Взобраться на нее невозможно, ибо слишком она крута. Увидеть вершину нельзя – она теряется среди облаков. Вот таков и сын богов – красив и величественен. Но наполнен ли он содержанием? Или это просто бездушный идол?

Сатх не отказался от поездки на Остров Богов. У Хайма и в мыслях и не было потакать ученику, но, видя, что желание не тускнеет, решил пусть будет, что будет, они вместе поедут туда.

Торговый корабль шел на Северный полуостров и по пути причаливал к Острову Богов. Глядя на карту, капитан сказал:

– Вы со своим учеником сойдете на Острове Богов. Далее. – Он указал тупым концом стило маршрут – красную пунктирную линию. – Я вдоль Крокодильего острова проследую к Северному полуострову. Там моя команда пробудет какое-то время. Вопрос. Господин Длаз, через какое время вы предполагаете вернуться домой?

– Неделю.

– Путь в одну сторону занимает около семнадцати дней. Я не успеваю в любом случае. Если случится еще один корабль, идущий от полуострова, дело другое. Я могу передать им, чтобы забрали вас. Но, как и положено, на обратном пути я причалю к Острову Богов.

– Хорошо, пусть так, – согласился Длаз.

– Мы отправляемся сейчас. На месте окажемся с рассветом, – предупредил капитан и покинул каюту.

Через несколько минут торговое судно отправилось в путь. Сатх и Хайм Длаз вышли на палубу.

Оказавшись далеко от берега, матрос установил в носовой большой арбалет, зарядил длинную стрелу, на конце которой был прикреплен каплеобразный поплавок, выкрашенный в ярко-белый цвет. К оперенью привязана тонкая и прочная бечева, намотанная на небольшую лебедку. Матрос выстрелил. Буй упал в воду впереди судна. Капитан приложил руку к груди, приготовившись считать удары сердца. Человек в носовой части поднял руку – значит, судно передней частью сравнялось с буюм. Он прошел недалеко от левого борта, и вот матрос на корме поднял руку. Капитан закончил считать удары сердца.

– Между двумя руками где-то три удара. Неплохо идем.

– Так измеряют скорость? – спросил Сатх.

– Это примерный подсчет. Можно сказать, на скорую руку, – ответил Длаз. – Обычно используют клепсидры. Но есть и более сложные механизмы.

– А время измеряют ударами сердца?

– В основном короткие промежутки, а большие – восходами солнца, лунами, их складывают в лета, затем в столетия, тысячелетия и так далее.

– А сколько лет миру?

– Об этом никто не знает, ведь время появилось из Хаоса, который существовал до начала всего, а сколько длилось одиночество Хаоса, никто не скажет.

– Учитель, я бы хотел знать историю Гондваны.

– Всему свое время, Сатх. Мы пробудем на Острове Богов один лунный цикл, не меньше. И я еще успею тебе все рассказать, если захочешь.

Хайм замолчал, размышляя о Стахе. Он сразу заметил. В Сатхе детская непосредственность соседствовала с взрослой задумчивостью. На первый взгляд, это подражание поведению старших, но Сатх не слепо копировал, он отсеивал то, что было неинтересно.

Солнце проплыло по небосводу. День отгорел, а куски времени, падая в вечность, казались бликами на море, но скоро и им суждено исчезнуть. Они не вернуться. Время необратимо, человек всегда живет по его воли. Но с пространством по-иному. Можно пойти прочь от дома, но если захотеть, то вернуться назад – обратить путь. Время не заставишь идти от настоящего к минувшему.

Сатх недолго пробыл на палубе, наблюдая за игрой света на водной глади. Его глаза устали, и он ушел в каюту, лег и тут же уснул. Мир в мгновение потух, но звуки стали отчетливей. Вот говор моря, вот корабль скользит по нему, взрезая воду и разбрасывая жемчужную пену. Даже закат, которого он не видел сейчас, обрел свой голос. Звуки разноцветной волной хлынули в сознание. Заполнили его. Необычное ощущение – видеть звук. И вот опять сверкающая волна вздыбилась и духи Лиму и Нукгур, приняв человекоподобный облик, оседлав неведомых морских животных, ворвались в симфонию сна. Сатх хотел объять необъятное. Ему почудилось, что именно сейчас это и происходит. Он был в стране, где можно заглянуть за горизонт, где другие города и страны, иные люди, солнца и луны. Так необычно видеть чужой небосвод, по которому величаво плывут две луны, а днем, сменяя друг друга – два солнца. Но как бы ни был чужд мир, он не враждебен, он наполнен добротой.

Сатх почувствовал себя морской гладью, зеркалом, в котором отражается вселенная. Короткий миг длиною в вечность. Вечность длиною в миг. Детское сознание привычно разложило сон на временной шкале: это раньше, другое – позже, но все, что увидел он, случилось одновременно.

Сатх очнулся. Похоже, стояла глубокая ночь. Учитель спал рядом в подвесной кровати. И Сатх закрыл глаза. «Скоро мы причалим к Острову Богов», – родились слова. Он осторожно выдохнул и...

И вот, новый день настал со следующим ударом сердца. Сатха и Хайма ждали на берегу пять человек. Обменявшись обычными приветствиями и пожеланиями, матросы сгрузили продукты, передав их жителям острова, и вернулись на корабль.

– Я вижу, вы прибыли со своим учеником, так ведь? – поинтересовался у Длаза один из жителей острова.

– Верно. Это Сатх Ной. Я – Хайм Длаз – его учитель. Мы здесь, чтобы ближе познакомиться с этими местами.

– Что ж, приятно слышать. Мое имя Фабиус, – мудрец сосредоточено посмотрел на гостей, а особенно задержал свое внимание на мальчике. – Я обязательно покажу вам остров. А сейчас следуйте за нами.

Тропинка убегала в заросли, поднимаясь в гору. Наконец, крутой подъем завершился. Люди стояли на вершине. Перед ними расстиралась долина. Сквозь изумрудный цвет, словно драгоценное ожерелье, прорастал Город Богов, будто созданный из белых облаков. В центре архитектурной симфонии высился храм, похожий на трехзубчатую корону. Конические башни вздымались к небесам, в них были видны вытянутой формы окна, чуть ниже – окна прямо-

угольные. У основания центрального зубца – арка – высокий портал. Это был вход в мистериал. Храм напоминал белую водяную лилию, только сильно вытянутую. Сатх заметил другие сооружения. Рассмотреть их во всех подробностях не удалось. Те, другие, строения оказались ниже и имели иную архитектуру, привычную его глазу. Такие здания часто встречались и в Тирии, и на Портовом острове. А вот слева от «гигантской лилии» стоял храм. Нижняя часть полусфера, она символизировала солнце, а острые тонкие башенки – лучи. В середине располагалась самая высокая из них, и на ее шпили прикреплен диск. Наконец, правый от «цветка» храм был незатейливым. Он напомнил Сатху цилиндрические зубчатые крепости Дионии, отличающиеся только двумя башнями, которые будто выглядывали из-за спины своего старшего брата. За спинами этих трех великанов были рассыпаны сооружения разной архитектуры, но чаще встречали кубы со сферическими крышами, на вершине каждого из них Сатх заметил темный круг. Также он успел разглядеть тонкую паутину белых тропинок, выложенные мраморными плитами. Вдалеке, на самом краю Города Богов виднелись скульптурные композиции.

Люди, передохнув, начали спуск, нырнув опять в заросли. Храмы скрылись из вида, но когда Сатх и Хайм очутились перед мраморной тропинкой, они невольно замерли.

– Я слышал о величии этих сооружений, – произнес Длаз, – но не думал, что они настолько огромны.

– Не в величии дело. Для храмов важно иметь большие пространства внутри, чтобы изобразить на стенах мистирию от Хаоса и до появления человека. А сейчас следуйте за мной в ваш новый дом, – ответил Фабиус.

Домом было одно из тех строений со сферической крышей. Внутри чисто. Круглое отверстие вверху оказалось дымоходом. Под ним находился очаг. Посуда лежала рядом. Над очагом висел котел. Кровати – матрасы с валиками – у стен.

– Вот мой дом. Свои вещи можете пока оставить здесь, – сказал Фабиус.

– Спасибо, – ответил Хайм Длаз. – Скажу на чистоту. Я взял ученика, потому что ему приснился сон, в котором Свис настаивал посетить Остров Богов.

Хайм рассказал подробности сновидения.

– Кто знает. Может, действительно твоего ученика потревожил Свис, но вот зачем? Сны – тонкая материя, они как самый острый кинжал. Представьте себе, держишь его за лезвие, одно неловкое движение – и ты поранился. Так и со сновидениями: одно неверное суждение, и ошибки в толковании не избежать.

Длаз вспомнил учение о сновидениях. Если душа путешествует с духами Хаоса по мрачным мирам, то, проснувшись, человек ничего не помнит, но у него остается сладко-жуткое ощущение соблазна кануть во мрак, желание поддаться темному стремлению. Если путешествие по иным мирам совершается с духами Матери Мира и душа заглядывает в миры Хаоса, то у нее тоже после пробуждения остается сладко-жуткое чувство, но она слышит голос разрушения и осознает его губительность. Поэтому чтобы решить, кто был сопровождающим, не обязательно помнить сон, достаточно бывает ощущений привнесенных оттуда. Ну, а распорядиться своей судьбой ты решаешь сам: идти ли дорогой духовидца к Матери Мира, или к Хаосу.

Фабиус, всмотревшись в задумчивое выражение лица Хайма, вдруг произнес:

– Странное дело, мне показалось, будто мы давно знакомы? – И, не дождавшись ответа, продолжил: – Уж скоро вернутся из храма Отца-Солнца мои братья, а я еще не дал вам крова. Пойдемте, неподалеку расположен такой же дом, там есть свободные места.

Сатх и Хайм проследовали за мудрецом. Придя на место, Фабиус показал им кровати и, пообещав познакомить с общиной, покинул гостей, сказав, что свои вещи они могут забрать в любое время.

Чуть позже учитель и ученик вышли из жилища и осмотрелись. Их дом располагался рядом со скульптурами, которые они заметили еще с возвышенности. Скульптуры изображали историю Гондваны. Только каждый памятник минувшему не стоял отдельно, а переплетался

с остальными, отчего казалось, что это какое-то многорукое фантастическое животное, стелющееся по земле.

– Учитель, а почему они слиплись?

– Всего лишь символ, Сатх. Скульптор хотел сказать этим, что все взаимосвязано и неразрывно. Вот, смотри. Здесь рассказывается о создателе «Книги Начал». У подножия, видишь, выгравированные ромбы и зигзаги? Иероглифы не пощадило время, но можно прочесть: «созидание», «человек», «без», «имя». Пройдем дальше. Вот история Гондваны до объединения. «Диония». «Тирия». Смотри, танец Иады – тоже символ. Этим все и заканчивается. Скульптуру будто срезали. Но историю объединенной Гондваны ты можешь прочитать в «Книге Времен».

Разговаривая, Сатх и Хайм не заметили как подошел Фабиус.

– Извините, что вмешиваюсь. Братья вернулись. Они хотят вас видеть.

...

Но прежде чем пригласить гостей, Фабиус заранее поговорил с братьями. Он возлежал рядом с ними на циновке.

– Не все встречали торговый корабль. Кто они, Сатх Ной и Хайм Длаз? – спросил один из мудрецов.

Фабиус рассказал.

– Ты все разочаровываешь и разочаровываешь нас. Значит, среди них нет твоего ученика? Пойми, если ты будешь тянуть с этим, то останешься один.

– У вас есть ученики, и достаточно.

– Это отговорка, – недовольно произнес один из братьев. – Опыт каждого человека неповторим. Плохо, если он сгинет в небытие. – Мудрец удобнее устроился на матрасе и посмотрел на Фабиуса, изучая, будто впервые увидел. Взгляд медленно проплыл от лица к ступням. Фабиус внутренне сжался. Наконец, его глаза встретились с черными, как ночь глазами брата. – А вот, например, Хайм Длаз. Чем тебе не ученик? Мы часто берем под опеку молодых учителей из мирских школ.

– Нет, – отрезал Фабиус.

– А Сатх Ной?

– погоди, он ведь еще мальчик, – вмешался в диалог другой мудрец.

– Ну, а что? Его душа мягка, как сырая глина, можно слепить вместительный сосуд для знаний. Как считаешь Фабиус?

– Я видел Сатха. В его глазах есть бескрайние просторы духа, но они не пустуют. Они заселены странными призраками идей, которые мне пока не подвластны. Это первое впечатление. Может, оно неверно. – Фабиус принял расслабленную позу и, облокотившись о валик, улыбнулся уголком рта. – Но, братья, не кажется ли вам, что наш разговор является беседой умудренных мужей? То есть мы парим, как птицы в высотах духа, но не решаемся спуститься ниже. Сверху виднее, никто не спорит, но мелкие детали теряются, ускользают от нашего ока.

– Ты считаешь, мы слепы? И не видим очевидного, то есть, среди этих двух нет того, кого ты ищешь?

– Похоже, он прячет от нас какой-то секрет, – вмешался в беседу еще один мудрец.

– Верно, – ответил Фабиус. – Я расскажу вам о нем позже.

– Почему позже?

– У каждого человека есть тайна, что-то сокровенное. Вы согласны со мной? Да? Ведь что-то должно оставаться только для себя? Неприкосновенное для других людей, так ведь? Только боги ведают, что за тайну хранит Фабиус, но я обещаю вам открыть ее, и поэтому не будем торопиться. Могу только сказать об истоках этого секрета. Он связан с Вирном Коем.

– Твоим учителем?

– Да.

– Ты заговорил о себе в третьем лице. Тоже начинаешь парить в вышине, – улыбнувшись, произнес брат. – Кстати, случайно не сказал гостям, что Кой провел последние года жизни на нашем острове?

– Нет.

– И не говори. А то начнутся расспросы.

– Я помню, Вирн Кой завещал, чтобы никогда не упоминали об этом.

– Ну, что-то мы заболтались. Зови гостей к нам. Мы хотим узнать, как бурлит жизнь на других островах.

ГЛАВА 3. Храмы и слова

На следующий день Фабиус повел гостей в храм Матери Мира. Они прошли невысокий и короткий портал, а затем показалось, что потолок взмыл вверх, и невозможно было его разглядеть. Свод храма все устремлялся и устремлялся ввысь, пока не сходилась в одной точке. Узкие окна в вышине светились синевой.

– А я увидел перед входом львов. Зачем они? – спросил Сатх.

– Скажем так, это память о древних верованиях нашего народа. Племена были многочисленны. Сколько племен, столько и вер, – ответил Фабиус. – Неизвестный скульптор высек эту царственную пару, когда создавался город богов. Кстати, львы есть не только у храма Матери Мира, но и у храма Солнца, и храма Матери-Земли. Считалось, львы – особенные животные. Когда они умирают, их души становятся стражниками на дорогах, ведущих в иной мир. Пара животных это как врата между двумя мирами. Звери охраняют покой живых, не давая душам умерших проникать сюда. Не знаю, что точно хотел сказать скульптор, но изваяния предупреждают нас: вы сейчас пересекли границу между этим миром и тем, вы входите в сферу общения с иным.

Хайм и Сатх осмотрелись. Их внимание привлекла статуя Матери Мира. Длаз удивился не столько высоте изваяния, – оно оказалось в четыре человеческих роста – сколько неестественной белизне. Это не мог быть мрамор. Хайм подошел ближе. Мать Мира одета в хитон, полностью закрывающий фигуру, часть ткани подобно капюшону накинут голову. Образ получился более человеческий, чем божественный. Ничего удивительного. Чтобы изваять богиню скульптор ищет прототип среди смертных. Наконец, мастер находит девушку, тот идеал, который навеки и запечатлевается в камне, глине, дереве и ином материале.

Вот Мать Мира. Ее тонкие и изящные пальцы придерживают край материи у подбородка. Правая рука чуть приподнята: она собирается сделать жест приветствия или прощания. Фигура и поза проста, нет величия и надменности.

– Удивительный материал, – заметил Хайм.

– Слоновая кость.

– Не может быть. Это слишком чисто для нее, да и...

– Кость для изваяния богини была привезена с северного полуострова. Здесь ее отбеливали, вымачивая в растворе, отчего кость становилась податливой, как гипс. Секреты мастерства ревностно хранят скульпторы, поэтому, как они сделали это, не знаю.

Стены храма слева и справа от входа исписаны рисунками: множество человеческих фигур, фигур богов, травы, деревья, животные, звезды, солнца и луны.

– А это, – произнес Фабиус, – мистерия времен, события, свершившиеся много лет назад. О них можно прочесть в «Книге Начал». Смотрите, вот эти самые верхние рисунки показывают величайшее событие в мистерии: рождение времени из Хаоса, а из времени – Матери Мира.

Гости увидели небрежные мазки угольной краски – изображение Хаоса, в котором пульсирует розовый бутон – возникло время. Из сердцевины цветка вышел золотой луч. По нему, как по дороге, идет женская фигурка лилового цвета – великая богиня.

– Я заметил, – произнес Хайм Длаз. – Левая стена от входа – начало мистерии, а заканчивается она здесь, справа от входа. Но справа художник разметил камень, но не завершил работы.

– Завершил. Просто пустое место – символ будущего. Оно еще не наступило и не доступно взору мудрецов. Кто победит в вечной войне Хаоса с Матерью Мира, не известно. Сражение длиться вечно, ибо вселенная так устроена: единство и борьба противоположностей.

– Но любая война заканчивается. Для нас эта борьба кажется вечностью в сравнении с мгновенностью человеческой жизни.

– Господин Длаз, вы посягнули на то, что я сам у себя боюсь спрашивать. Что будет, когда Матерь Мира победит окончательно? А вдруг Хаос вернет всё к довремению? Думаю, истории тогда не будет. Но скажу. Я бы хотел победы света, но возможно ли?

– Вы сомневаетесь?

Фабиус грустно улыбнулся, но ничего не ответил.

Он пригласил гостей к выходу, сказав:

– Присядем на ступени. И еще одно, господин Длаз, – мудрец бросил короткий взгляд на Сатха. – Неверие порождается скудностью духовного опыта.

– Не беспокойтесь за моего ученика. Не будем ничего от него скрывать.

– Опыт – это все воплощения души во множестве миров, начиная с того, как она вышла из лона Матери Мира и до возвращения домой – обратно в лоно. Вы слышали об идеи вечного возвращения? Из глубинной памяти в сознание порой пробивается странная и непонятная тоска о доме, где тебя любят и ждут. Иногда она обретает ясные очертания. Не думайте, что человек приходит в мир, будто для того, чтобы раз скользнуть по его поверхности и исчезнуть в небытие. Очень часто опыт проявляет себя, как талантливость или гениальность.

– Автор «Книги Начал», наверно, был гением.

– Он просто вдохновляет Матерью Мира, – вдруг произнес Сатх.

Фабиус обратил внимание на мальчика. Тот посмотрел в глаза мудрецу. Фабиус задал молчаливый вопрос: «Ты ли это сказал?» Но Хайм так и не понял, удивлен ли Фабиус?

Он встал и спустился по ступеням. Обернувшись, философ проговорил:

– Почему ты не предупредил, что твой ученик обладает способностями к духовному деланию?

Хайм осторожно перевел взгляд на Сатх. Стах с любопытством смотрел на Фабиуса, но ни удивления, ни смятения не было во взоре.

– Я не хотел говорить, ведь его путь лежит в другой касте. Сатх – сын торговца.

– Ты этого не говорил раньше. Жаль, если он останется в своей касте. Его место среди нас.

– Прошу извинить меня, но не слишком ли смелое утверждение?

Фабиус глубоко вдохнул и закрыл глаза. Он прислушался к стуку сердца. Оно билось ровно и спокойно. Мудрец открыл глаза и в упор посмотрел на Сатха.

– У тебя нет никаких вопросов? – были брошены слова, как будто Фабиус экзаменовал ученика.

– Почему души людей избирают служение Хаосу?

– Из-за маловерия, а значит, из-за скудности духовного опыта. Случается, но редко, осознанный выбор в пользу Хаоса, когда душа корыстно предана злу. Иногда из-за страха перед тьмой, из-за мимолетной слабости, которая ядовитым плодом вызревает внутри. В конце концов, душа теряет собственную волю, ей ничего не остается, как вновь стать глашатаем разрушения.

– Сатх, – произнес Длаз, – ты сможешь найти наш дом?

– Да.

– Иди. Я задержусь ненадолго. – И когда ученик удалился, он продолжил: – Меня насторожила смена тона.

– Это все Сатх. Когда я впервые увидел его с вами на берегу, то не поверил, что глаза ребенка могут быть такими. Взрослость и детскость жили в них. Но первое впечатление ложно до тех пор, пока Сатх не заговорил. Кто-то четвертый шепнул мне: «Вот оно».

– Может, вы преувеличиваете?

– Не буду спорить.

– Спасибо вам.

– За что?

– За то, что не молчали, зато, что сказали всё как есть.

– Не было смысла молчать.

Они попрощались. Фабиус, продолжая стоять у храма, проводил Хайма тревожным взглядом. Мудрец снова засомневался: не подвела ли его интуиция, когда он встретил неожиданных гостей?

На другой день он повел Сатха и Хайма в храм Солнца.

Внутри он сверкал миллионами звезд. Стены, плавно переходящие в потолок, стремились ввысь, смыкаясь куполообразно. Камни покрыты золотой краской, или это был какой-то минерал. Лишь антрацитовый пол спорил с буйством солнечного цвета. Пол будто черное озеро. В центре этого «водоема» находился «остров» – золотой круг с множеством исходящих лучей, похожих на солнечную корону. Так Отец-Солнце побеждал мрак.

– Знакомые рисунки, – произнес Сатх.

– Ты разве это видел когда-то? – удивился Фабиус.

– Нет, но я представлял, что так и должно быть. Особенно вот это, – и Сатх указал на запечатленный сюжет из мистерии Духов Тысяч Солнц.

– Ты об Антаресе?

Сатх кивнул.

Хайм Длаз всмотрелся в рисунок. Вначале ничего нельзя было разобрать, но, приглядевшись, он прочел в желто-оранжевой абстракции повесть об отступничестве древнего духа. Вот его братья, вот сам мятежник, чем-то напоминающий человеческую фигуру, закутанную в кроваво-винный плащ.

– Господин Длаз, вы рассказывали Сатху историю об Антаресе?

– В общих чертах.

– Думаю, можно и подробнее. Так, как изложено в «Книге Начал».

– Фабиус... Можно вас так звать?

– Конечно.

– Я бы хотел поговорить с вами.

– В любое время, но лучше после заката.

И вот когда Сатх уснул рано, насыщенный новыми впечатлениями, Хайм покинул жилище. Фабиус уже ждал.

– Мы пройдем к водоему. Он в пределах города, – сказал мудрец.

Когда же пришли на место, Длаз посмотрел на догорающий запад, на неподвижную гладь небольшого озера, прислушался к шелесту высокой травы, что росла вокруг водоема, вдохнул прохладный воздух и подумал: «А здесь хорошо и по вечерам спокойно».

– Я догадываюсь о вашем выборе, – стал осторожно подбирать слова Хайм. – Сатх Ной будет вашим учеником? Верно?

– Возможно.

– Сомневаетесь? – И Хайм решил говорить начистоту: – Конечно, на словах вы колеблетесь, но сердцем уже решили. Да и пора вам.

– Вы правы, – грустно вымолвил Фабиус. – Чем больше живу, тем больше сомнений. Силы мои катятся к закату, и вот являетесь вы. Сатх способный мальчик. Чем больше я его узнаю, тем яснее понимаю: он достоин стать учеником. Но сомнения.

– А ваша вера в себя?

– Вера? Вера без знания мертва. Есть много пророчеств великих мудрецов этого острова. И о дне Гондваны, и о Сыне Богов. Не скажу, что отношусь с недоверием к этому. В любом пророчестве есть доля истины, но какова она, эта доля, и за какими словами прячется?

– Я не понимаю.

– Нужно еще кое-что, чтоб утвердиться окончательно в выборе ученика.

– Что?

– Как ни странно, не знаю.

Хайм не видел, но уловил шестым чувством: мудрец улыбнулся.

– А если это «кое-что» не произойдет? Будете просто ждать?

– Я не сидел, сложа руки. Искал всю жизнь ученика, пока позволяли силы, но надеюсь, скоро все закончится.

Хайм Длаз подошел к Фабиусу и поднял открытую ладонь для прощания:

– Я понял вас. Этот разговор останется между нами. Увидимся завтра.

– Обязательно.

ГЛАВА 4. Пророчество

Шли последние дни пребывания Сатха и Хайма на Острове Богов. Сатх чаще вспоминал сон, приснившийся в тирийской библиотеке. Свис обещал ему, что откроется тайна имени творца «Книги Начал». Пролетела пара недель, но ничто не говорило мальчику о близости разгадки.

Кто-то из мудрецов сказал, что со дня на день придет корабль. Сатх, как выдавалось свободное время, приходил на побережья. Он смотрел на спокойное море. Торговое судно все не появлялось. «Может, оно прошло мимо?», – мелькнула тревожная мысль. Этот странный, будто застывший в пространстве, мир острова, казалось, находился на краю света всеми забытый.

Сатх смотрел на море, и в переливах сияющего дня окружение виделось ему залитое розовым светом. Он уже видел где-то этот розовый свет. В том сне. Сатх встал, развернулся спиной к морю и пошел вглубь острова в заросли. Он не мог понять, почему решил идти туда. Просто захотелось.

Сатх увидел лежащий камень. Он был плоским и огромных размеров. Сатх присмотрелся. Ему показалось, что снизу камень светился розовым светом. Мальчик нагнулся и потрогал рукой край камня. Ничего. Кожа ощутила шершавую поверхность и холодок, ласкающий пальца, будто из-под камня дул ветерок.

– Камень, – произнес Сатх и выпрямился.

Он понял, что под камнем что-то лежало, что нужно срочно поделиться этой новостью с учителем.

– Какой камень? – удивился Хайм, когда ученик рассказал ему и Фабиусу, где он был. – Погоди, не части. Изложи все по порядку.

И Сатх рассказал.

– Да, знаю я этот камень, – ответил Фабиус. – Он всегда был на Острове Богов. Лежит в зарослях никому не мешает. Не понимаю, Сатх, почему это так важно?

– Нужно сдвинуть камень. Это связано с именем безвестного творца.

Фабиус насторожился. В первое мгновение показалось, что он ослышался, решил переспросить, но, остановив пристальный взгляд на мальчике, понял: «Со слухом все в порядке». Да и глаза Сатха будто сами твердили: «Вы ждали этого, мудрейший. Разве нет? Сколько лет прошло, а вы не теряли надежды. Жили ради сего мгновения. Зачем же сейчас сомневаетесь?». Фабиус мысленно отогнал призрака и произнес без тени шутливости:

– По-моему я должен, господин Длаз, изумиться. Но я не изумлен. Я будто ждал этого.

Хайм промолчал. Он бросил растерянный взгляд на Сатха, затем на мудреца, почувствовав себя участником игры, в которой ему забыли рассказать о правилах.

– Ждите здесь. Скоро вернусь, – бросил Фабиус. – Возьму пару кольев и топор.

– Сатх, – начал Хайм, – я опасаюсь за его душевное здоровье. Он сейчас так переменился в лице. Будто существо из иного мира увидел. – Мальчик неопределенно пожал плечами. – Ты подарил ему надежду: узнать имя автора «Книги Начал». Может, это единственное ради чего он жил.

Мудрец вернулся быстро.

– Пошли, – резко произнес он.

– Фабиус, не кажется ли вам...

– Хотите сказать, что зря затеяли? Возможно. Но проверить надо? Я ничего не сказал братьям. Но вас не удивляет в этой истории одна деталь?

– Сатх не знал о камне! – ошеломленный догадкой произнес Хайм Длаз.

– Именно. Я тоже не понял сначала, что меня насторожило.

Три человека, придя к камню, расчистили место, так и сдвинули камень. Под ним оказалась каменная плита – гладкая и квадратная без надписей полтора локтя в диагонали. Плиту тоже сдвинули. Обнажился черный зев колодца. Вход в подземелье? Длаз, встав на колени, попытался рассмотреть, что там, но свет лишь выхватил скудный кусок пространства. Похоже, комната. Между полом и потолком расстояние в один человеческий рост.

– Это как в легендах, – произнес задумчиво Хайм. – Кажется, боги играют с нами.

– Надо развести костер и сделать факелы, – не слушая его, ответил Фабиус.

На побережье весело заплясало пламя. Мудрец сделал факел. Длаз спустился вниз. Он оказался прав, подземелье было неглубоким. Стоя на полу, можно легко достать до прохода, а дальше, зацепившись за края, подтянуться на руках и выбраться наружу. Фабиус осторожно передал Хайму горящую головню. Каменные стены помещения озарились желтым светом. Пусто. Никаких дверей и проходов. Только у стены располагался большой металлический ларь.

– Мне нужен топор! – крикнул Хайм.

– Что там!? – поинтересовался Фабиус.

– Потом скажу!

Внутри ларя лежал еще один такой же меньших размеров. Хайм вынул его и опустил на пол. «Тяжелый. Такой на себе не поднимешь», – подумал учитель, взламывая крышку. Внутри оказался металлический цилиндр-футляр. Время пощадило его. Металл почернел, но ни единого следа ржавчины. Предмет был легким. Значит, внутри пусто? Длаз передал футляр Фабиусу и выбрался наружу.

– Что там? – спросил Сатх.

Мудрец, легко разомкнув половинки цилиндра, извлек свиток.

Фабиус аккуратно отогнул истлевший край рукописи и, пробежав глазами первые строчки, медленно проговорил:

– «Я, Милет Атилла, житель сего острова, с благословения, что дано мне Матерью Мира, начинаю рассказ свой. Название сказа сего – „Книга Начал“. Книга, в которой поведаю о богах и людях. Иероглифы, моею рукой выведенные здесь, и ранее не было писано подобного никогда, ибо слово мое – новое слово».

– Милет Атилла? – удивился Хайм.

– Да. Это имя безвестного творца. Мы сейчас немедленно идем к братьям. Сатх, ты тоже идешь с нами.

– Но откуда у вас такая уверенность? – спросил молодой учитель.

Фабиус ничего не ответил.

Хайм Длаз знал, что всего существовало пять экземпляров «Книги Начал», по крайней мере, так было принято считать.

Первая книга написана безвестным творцом, а остальные являлись копиями. То есть вторая переписана рукою матери безвестного творца, а другие – тремя старейшинами. Они и распространили новое верование. Но вот о первой ничего не известно. Она канула в небытие. Второй экземпляр после всех мытарств оказался на Острове Богов. Три оставшиеся «Книги Начал» претерпели мало приключений, и сейчас хранятся в библиотеке властителя Гондваны.

– Фабиус, погодите, – не унимался Хайм. – Получается, вы держите в руках оригинал?

Мудрец бросил короткий взгляд, но, опять ничего не ответив, продолжил быстро шагать. Длаз продолжил:

– Значит, Милет Атилла погребен здесь?

– А у вас сомнения? – Фабиус остановился. – Не будем задерживаться. Идемте. Все братья сейчас собрались в одном доме, потому как скоро трапеза. Я расскажу им все, да и вам с Сатхом будет полезно кое-что услышать.

– То есть?

– Остались считанные мгновения. Потерпите.

Они успели до начала трапезы. Мудрец с волнением в голосе поведал о произошедшем, закончив фразой:

– А теперь я обязан сказать присутствующим несколько слов о моем учителе. О Вирне Койе. Он произнес однажды: «Ты встретишь Сына Богов. Ты узнаешь его сразу. Как только он откроет тебе имя безвестного творца, знай, се твой ученик. Но не делись моим секретом сразу. Пусть пройдет время, пусть исполнится пророчество. Только тогда сними печать молчания».

Среди мудрецов прошел ропот.

– Сатх Ной будет твоим учеником? – спросил один из братьев и, не дожидаясь ответа, заключил: – Будь по-твоему. Никто, я думаю, не выступит против такого выбора. Опыта в понимании человеческих душ тебе не занимать. Но не ошибаешься ли ты в остальном? Сын богов? Каждый гондванец слышал об этой легенде. Думаешь, настал срок исполниться пророчеству? И вот он и есть избранный? – Мудрец указал на Сатха.

– Сомнений нет. Где спрятан еще один экземпляр «Книги Начал» могли знать только безвестный творец и боги. Неужели вы думаете, что это простое совпадение? Сколько лет нам известен тот камень, и никто не проявил интереса. Скажу больше, даже мать Атиллы не ведала, где покоится первая рукопись. Сын боялся, что сожгут книгу, вот и молчал, надеясь на добрые руки, которые извлекут ее на свет и сохранят. Так говорил мой учитель.

– Мы преклоняемся перед мудростью Вирна Койя, но раскрыл ли он тебе источник знания?

– Да. Учитель все объяснил. Было четыре сна.

Сон первый

В один из дней приснился Вирну сон: в его доме появилась женщина. Она, окутанная в лиловые одеяния, нянчила на руках грудного ребенка. Ни страха, ни удивления Вирн не почувствовал, хотя молодая мать была ему незнакома. Кто она? Кто этот прекрасный ребенок на ее руках? Да и что они делают в его доме? Он смутился, и не знал, как подойти к незнакомке, с чего начать разговор. Но женщина первая сделала шаг.

– Тебе нравится дитя? – спросила она.

Вирн посмотрел в золотистые глаза новорожденного и невольно залюбовался. Слова застряли в горле, и он с трудом выдавил:

– Да. Но чей он?

– Твой. Наш.

– Но у меня нет, и никогда не будет детей.

– Неужели ты называешь детьми тех, кто родился от семени? А как же дух твой? Посмотри, как прекрасно дитя. Оно предназначено для Земли.

– Но я здесь причем?

Ответа не последовало. Сон растаял.

Сон второй

Навязчивое видение не покинуло Вирна. Ему опять приснился дом и та женщина с ребенком.

– Что случилось? – спросил он. – Почему ты вновь у меня?

– Дом – это твое сердце. Я пытаюсь найти в нем место.

– Но я тебя не гоню, – удивился Вирн. – Ты ушла тогда по своей воле.

– А понимаешь ли ты, что происходит сейчас?

– Не говори загадками.

– Погляди внимательно на меня, и дурман развеется. Что видишь?

Вирн присмотрелся, и его осенило. Как же он раньше не заметил, будто тягучей морок окутал сознание, а сейчас пелена пала с глаз. Он ясно увидел женщину. Она одета в лиловые одежды. Мать Мира. Догадка, как острый обломок, вонзилась в мозг, и боль прошла сквозь тело, утихнув в груди. Ему почудилось, что все его существо вывернуло наизнанку.

Вирн очнулся.

Сон третий

– Ты – Мать Мира.
– Да, – ответила женщина.
– Тогда кто твой ребенок?
– Мой сын.
– Но ты говорила, он – земной. Боги всемогущи. Они надевают любые маски, даже маски людей, но они являются в наш мир, но не рождаются в нем.
– Отбрось все земные мысли.
– Но как тогда?
– Как все. Как ты родился из чрева матери, так и сын богов придет в ваш мир. Он ничем не будет отличаться от остальных людей, но его нить судьбы покоится в моих руках.
– Я не думал, что боги станут воплощаться среди людей.
– Хаос не дремлет. Сейчас он притаился. Господин небытия что-то темное задумал для человека.
– Что же хочешь ты?
– Теперь я слышу правильные речи. Теперь ты понимаешь. Помоги родиться сыну богов.
– Но я даже не знаю, когда он должен явиться на свет.
Мать Мира ничего не ответила, она растаяла как дым, смазались очертания комнаты, и Вирн проснулся.

Сон четвертый

– Это последняя встреча, и у меня только одно слово: запомни, – начала говорить Великая Мать. – Бери ученика по имени Фабиус. Имя не такое редкое, но тот единственный, кто тебе нужен, обязательно будет в твоей жизни. Ты его почувствуешь сразу. Сердце подскажет. Передай ему все знания, но главное скажи: у тебя будет ученик, но один на всю жизнь. Ты узнаешь его, как только он найдет место упокоения безвестного творца и место хранения «Книги Начал». Ученик Фабиуса также раскроет тайну имени безвестного творца, ибо ученик твоего ученика и есть сын богов.

...

– Что будете делать дальше? – спросил Хайм, не встречаясь взглядом с Фабиусом, а всматриваясь в океанский простор.

По водной глади скользило торговое судно. Оно, не спеша, приближалось к Острову Богов.

– Ждать, – ответил мудрец. – Еще есть время. Сатх, ты приедешь ко мне?

Мальчик сосредоточено посмотрел на старика, вспомнив, как обсуждали его вчера перед трапезой. Странно, но он ничего не почувствовал, словно непроницаемая стена выросла перед ним. Мудрецы говорили: «Сатх», «сын богов», «избранный», «пророчество», «предопределенность», о чем-то спорили с Фабиусом – всё это не коснулось сознания. Как утренний луч солнца, скользнув по поверхности вод, отразился, так и речи жителей острова почему-то не задели души. Скорее было смущение, но не более. Какой сын богов? Он? Всё представлялось ему забавной игрой.

– Я обязательно приеду. После праздника. Может, – ответил Сатх.

– Замечательно. Но ты не спеши с приездом, потому как мне надо приготовить к твоему появлению один вопрос. Нет, сейчас не спрашивай. – Фабиус сделал отстраняющий жест. – Вот вернешься и напомнишь мне о моем обещании.

Торговый корабль причалил. Люди сошли на берег. Сатх поднялся на судно. Учитель ненадолго задержались на берегу.

– А что будете делать с находкой? – спросил Хайм.

– Я переговорю с братьями. Надеюсь, они разрешат отвезти этот экземпляр властителю Ган-Дион-Тиру.

– Зачем? – удивился Длаз.

– Я хочу встретиться с правителем и поговорить о судьбе останков безвестного творца.

– Этой «Книге Начал» и безвестному творцу спокойнее будет здесь.

– Возможно. Но я не хочу бежать впереди времени.

– До свидания.

– До свидания. Встретимся еще.

Фабиус поднял открытую ладонь для прощания. Хайм, прикоснувшись к ней своей ладонью, посмотрел в глаза старику. Они были спокойны. Только на самом дне этих темных «озер», или показалось Длазу, сверкнула и угасла тревожная мысль.

ГЛАВА 5. Избранный и реликвии

Хайм Длаз решил не заходить к себе домой, а вместе со своим учеником направился к господину Нюю. Учитель поприветствовал женщину, одетую в лиловую одежду, и удивился про себя: «Она в праздничном наряде встречает гостей? Откуда они узнали, что мы прибудем?»

– Мы по тебе скучали, Сатх, – сказала мать. – Как ты? Тебе было там интересно?

– Я тоже скучал. На Острове Богов замечательно. Там столько всего интересного!

– Конечно, Сатх. Но ты потом мне расскажешь?

– Да, мама.

– Не стойте в дверях. Проходите. Сатх, держи. – И мать отдала сыну кукурузную лепешку. – Я вижу, тебе не терпится встретиться с друзьями? Тогда иди. Но возвращайся быстрее. Не забывай, что ты обещал.

Сатх убежал гулять.

– Будьте нашим гостем, – произнес появившейся на пороге отец Сатха.

Хайм Длаз, поклонившись, прошел к низкому столу, покрытому грубым сукном. Все было готово к трапезе: кукурузные лепешки, дикий мед, фрукты, темное вино и немного рыбы.

Отец Сатха жестом пригласил учителя садиться и, надломив лепешку, передал кусок гостю – состоялось символическое приглашение к обеду. Хайм окунул лепешку в мед – приглашение принято. Тесто мягкое и воздушное. Оно растаяло во рту, оставив на нёбе приятный и тонкий аромат.

– Как вы считаете, поездка на остров удалась?

– Вполне, – ответил учитель, поймав внимательный взгляд господина Ноя. – Сатх сам расскажет об этом, но и я, поверьте, тоже остался довольным. Многие из того, что мы встретили с вашим сыном, приятно удивило и меня. Полезно ли сие путешествие? Да. Сатх сам хотел увидеть сокровища духа и увидел. Да и с другой стороны, знать свою историю и культуру важно каждому человеку.

Хайм, рассказывая о том, что случилось на Острове Богов, блуждал взглядом по еде, иногда останавливая внимание на хозяине дома. Тот молчал, сосредоточено слушая и порой кивая.

– Согласен, – задумчиво произнес Вирн Ной в конце истории. – Человека определяет культура. Ибо, чего уж скрывать, моя каста, каста торговцев, всего лишь подмастерье. Основа общества – культура, а ведение хозяйства – деятельность необходимая. Оно обслуживает общество. Это прозвучит странно, но я бы не хотел оказаться в стране, где образ мыслей определяют деньги.

Отец Сатха, налив вина, протянул пиалу Хайму. Тот, отпив, поставил ее на стол. На языке остался терпкий привкус с почти неуловимыми нотами мяты. Это оказалось то самое «холодное вино». «Дыхание Аи». Только по праздникам, или ради выказывания особого уважения гостям подают его.

– Я соглашусь с вами, – начал Длаз. – Основой общества всегда является культура. Культура в широком смысле. От культуры повседневности до мистерии богов. Если с культурой все в порядке, то и о другом не стоит беспокоиться.

– Вы, наверно, знаете, что скоро праздник Матери-Земли?

– Да. Будут большие игрища и представления. Я обязательно приду.

– А если ваши занятия совпадут с праздником?

– Отдых и учебу можно совместить. Будет театр мистерий, а я давно хотел рассказать своим ученикам о театре.

Руи поставила на стол глиняный кувшин с узким горлом. Это был зеленый чай. Дом наполнился легким ароматом жасмина и сладковатым ароматом османтуса. Вирн проследил за каждым движением жены и, когда та удалилась, произнес:

– Вы рассказали о событиях на острове. И это меня обеспокоило. Тревожно слышать, что мой сын избран.

Вирн взял пиалу с вином и сделал глоток.

– Избранный – слишком громкое слово в этих гостеприимных стенах. Еще ничего не решено и не определено. Будущее туманно. То, на что надеется Фабиус, возможно, и не случится. Выбор за вашим сыном. Пройдут года, Сатх повзрослеет. Он будет стоять на распутье: принять предложение мудреца с Острова Богов или отказать ему.

– На все воля богов, – неопределенно ответил хозяин и взял кувшин. Он сам разлил в пиалы чай, одну из них протянул гостю.

– Ваш дом прекрасен, как и этот напиток. Желаю этому дому процветания, – сказал Длаз, сделав глоток.

– И вам желаю успехов на вашем поприще.

...

– Имя? – спросил солдат.

– Фабиус, мудрец с Острова Богов.

– Проходи. Властитель Ган-Дион-Тир ждет в библиотеке. – И указав на второго солдата, произнес: – Следуй за ним.

Они поднялись по лестнице, прошли крытую колоннаду, которая вывела к книгохранилищу.

– Приветствую, мудрейший. Я получил твое письмо и подарок с корабля, что приплыл раньше. «Книга Начал» займет достойное место в библиотеке дворца, – сказал властитель и, обращаясь к стражнику, распорядился: – Ты свободен.

Ган-Дион-Тир предложил сесть.

– Я тебя слушаю. С какой вестью ты прибыл? О чем хотел говорить со мной?

– Властитель, на общем совете мы решили передать рукопись вам. Также я изложил в письме мнение о сыне богов.

– Да, да. Все верно. Это было в письме. И ты считаешь, он и есть тот самый избранный? Даже не верится. Может ли мальчик стать великим учителем? Хотелось бы увидеть его, – фраза прозвучала неискренне, но мудрец не подал виду.

– Властитель, я склонен думать, что вы разочаруетесь, встретившись с ним. Он обыкновенный ребенок. И вырастит ли дитя в великого учителя, неизвестно. Даже мой учитель, Вирн Кой, был любопытным и непоседливым ребенком, как и все, но никто и не думал, что он не пойдет по стезе отца-скульптора, что выберет путь мудрейшего. Хочу сказать одно: всё и все в руках богов, но я желал бы взять Сатха в ученики.

– Не хочешь ли ты испросить разрешения на то, чтобы Сатх стал твоим учеником? Странно, но я не вмешиваюсь в жизнь Острова Богов. И, кстати, я хотел бы узнать... – Ган-Дион-Тир сосредоточено посмотрел на мудреца. – Если эта книга написана рукой самого Атиллы, где же его усыпальница? Я думал над этим вопросом и пришел к выводу, что она должна быть там же.

– Вы всегда проницательны, властитель. Как оказалось, под той комнатой, где лежала рукопись, есть еще одна комната. Точнее, небольшой склеп. Вход в него замаскирован, но, осветив помещение, братья обнаружили на полу едва заметные стыки и увидели выступающий кусок плиты. Причем он был единственным. Внизу находилась усыпальница. Мы осторожно извлекли останки Атиллы, по крайней мере, иероглифы на камнях нам поведали именно об этом. Не хочу утомлять подробностями, лишь скажу: я от имени братьев явился сюда испросить помощи в обустройстве новой гробницы для Милета Атиллы.

– Конечно, если нужны средства, не стесняйтесь, Фабиус. Скажите, сколько? Мы обсудим смету.

– Властитель, моя просьба будет необычной. Нам нужен кедр, но особого сорта. Не южный, а северный. Его еще называют звенящим.

Ган-Дион-Тир удивленно поднял бровь и улыбнулся уголком рта. Решать чужие задачи, оторванные от жизни, ему не хотелось.

«Северный кедр? Почему нельзя южный? Что за блажь? Но возвращение такой реликвии из небытия как „Книги Начал“ – важное событие, и оно случилось в мое царствование, а это вдвойне хорошо. Тогда почему бы и не отправить несколько судов за звенящим кедром», – решил властитель и произнес:

– Я помогу Острову Богов. Но ты понимаешь, случиться это не сразу?

– Да. Добыча древесины обременена большим расстоянием. Дерево растет в северных странах. Далеко от Гондваны.

Ган-Дион-Тир встал, давая понять, что разговор окончен.

Пришел стражник и проводил Фабиуса.

Властитель долго рассматривал свитки, покоящиеся на полках, затем, приставив лестницу, достал нужную рукопись. В ней рассказывалось о том, что северный кедр называется звенящим, ибо он накапливает энергию мироздания, а через триста лет дерево начинает звенеть при сильных порывах ветра. Приложив руку к дереву, почувствуешь слабую дрожь в стволе. Это означает: энергии достаточно, и можно срубить его, но никак не раньше, иначе бедствие случится с тем, кто посмел нарушить естественный ход.

...

Время решило поиграть с Гондваной. Страна застыла в ожидании праздника. Замедлились жизненные ритмы. Население, начиная от простолюдинов и кончая вельможами, казалось более степенным и рассудительным. Оно не расплылось на эмоции. Берегли их для будущих торжеств. Человек предвкушал удовольствие.

Единожды в год случался праздник. Но каждый раз, как в первый и последний. Словно не повторится это никогда, словно вот именно этот день в этом году станет особенным, не похожим на другие дни. Девушки присматривали наряды с украшениями и женихов, юноши испытывали свою силу и смекалку, поглядывая на юных красавиц, чиновники превращались в устроителей торжеств, ныряя с головой в иную административную рутину.

Хайм Длаз продолжал вести уроки в школе.

В канун праздника он собрал учеников. Сатх и его друзья были среди них. Учитель рассказал о театре и его истории.

Театр вырос из танцев. Не через изобразительное искусство, не через песню, не через архитектуру, а через танец народ выразил свои представления о мироздании. Языком жестов, мимикой, выражением глаз рассказывалась мистерия богов. Каждое движение тела наполнилось смыслом. Сведущий человек в хаотичной и странной смене положений рук, ног и наклонах головы легко прочитал бы первые строки «Книги Начал». Он не увидел бы за танцем людей, переодетых в богов, а различал ожившие символы, словно читал рукопись.

– Звуки ударных инструментов задают ритм и характер жестам и движениям танцора, – сказал Хайм. – На заре театра было так: один актер исполнял все роли. Конечно, неудобно и для зрителя. Он мог спутать персонажей. Да и для танцора – надо обладать хорошей реакцией и пластичностью. Поэтому и придумали характерные жесты, присущие только этому богу или духу стихии. Со временем одиночный танец перерос в групповое представление. Затем оно переродилось в театр мистерий. В нем не только звуки музыкальных инструментов и движения актеров, но и одежда, декорации и маски имеют значение. Каждая деталь обладает символикой. Такова эволюция театра. – Хайм сделал паузу. – Но сколько бы ни менялись формы искусств, я думаю, в основе будут лежать пластика и звук. Всмотритесь пристальней, и вы

увидите две части, гармонично сочетающиеся друг с другом. Например, рисунки или иероглифы. В них нет на первый взгляд звука. Лишь изящество линий, то есть пластика, но каждый из вас, взглядевшись в них, сможет прочесть и рассказать. Так появляется звук. Архитектура и скульптура – вот буйство пластичного искусства, но смысл каждого изгиба можно объяснить на словах – вот вам вновь звук. А музыка? Звуки извлекаются из инструментов, но где же пластика? Конечно же, в движении рук музыканта. А еще сочинители божественных мелодий иногда записывают звук в виде незамысловатых крючков. Вот вам и пластика. Какие бы формы искусств ни родились позже, все они будут следовать закону двуединства пластики и звука. И вы убедитесь в этом, когда придете на праздник. И еще: будьте внимательны, смотрите за цветом. Цвета помогут разобраться, кто есть кто. У Хаоса – черный. Лиловый – Мать Мира и женского начало. Зеленый – природа. Красный – мужская суть, цвет царственности, а также иногда он обозначает и человеческую природу. Желтый – иной мир. Белый – Лилит.

ГЛАВА 6. На празднике и после него

Зрителей немного. Они переговариваются друг с другом, порой бросая короткие взгляды на арену. Она – небольшая, чуть вытянутая песчаная площадка, окруженная со всех сторон амфитеатром мест для сидения. Главная ложа привлекает своей роскошью. Ложа отделана тканью бордового цвета с золотыми нитями. Стражники властителя на месте. Охрана спряталась под тенью, отбрасываемой толстой парусиной полога. Ган-Дион-Тир еще не явился.

Актеры вышли на площадь. Они что-то обсуждают, затем уходят, появляются другие. Кажется, что, сменяя друг друга, люди решают, кому выступать первым, но на самом деле разные группы будут представлять мистерию о потерянном рае параллельно, но в разных частях сцены.

Хайм Длаз и ученики заняли места ближе к арене.

Наконец, актеры, ненадолго покинувшие площадь, вновь появились и встали, обратив взоры на пустующее ложе. Это было сигналом. Люди зашумели, поднимаясь с мест. Властитель появился в ярко-красной одежде, медленно прошел мимо стражников и занял место. Зрители сели. Актеры поклонились Ган-Дион-Тиру и покинули арену. Остался лишь один человек. Он поклонился царю и произнес нарочито напыщенно и размеренно:

– Приветствую властителя Гондваны на празднике Матери-Земли. Поклон вам, пришедшим на эту площадь и желающим увидеть торжество и вдохнуть воздух иного мира. Мы начинаем.

Человек удалился.

Из бокового выхода арены появилась фигура, укутанная в лиловое одеяние. Издалека было неясно, кто там, мужчина или женщина, но цвет говорил, что это Матерь Мира. Шлейф покрывала оказался длинным, и люди прятались под ним. Женщина медленно прошествовала к середине сцены, остановилась. Взмах рукой, и, скрывающиеся под шлейфом актеры, появились. Замелькали разноцветные наряды. Белые – Духов Тысяч Солнц, бледно-голубые – Царя Благословляющих Крыльев, темно-синий – Царя Оживляющих Вод, пестрые одежды – властителей царств животных и трав, красный с желтым – Царя Огненного Тела. Они двигались то медленно, то быстро, затем заняли места в разных частях сцены, продолжая танец. Резкие и плавные жесты и движения чередовались. В феерии цвета происходила мистерия. Зрители заметили, как в центре картина замерла. Рядом с Матерью Мира оказались Мать-Земля – женщина в пестром одеянии и Отец-Солнце – актер в ярко-желтой одежде. В руках у него золотой диск, насаженный на длинный шест. Духи природы окружили плотным кольцом фигуры Матери, Земли и Солнца. Сцена замерла. Все танцоры покинули площадь. Лишь Матерь Мира осталась в одиночестве. Пришло время для Лилит. Длинное лиловое покрывало, как сказочный змей, проползло по песку, открыв зрителям лежащую девушку. Лицо ее скрыто темными локонами.

Лилит проснулась. Танцовщица, одетая в золотистый прозрачный наряд, медленно поднялась. Ткань не скрывала осиной талии, стройных ног. Движения девушки медлительны и томны. Иссиня-черные волосы рассыпались по плечам, открыв чуть вытянутое лицо с пухлыми губами. Подведенные углем глаза раскосы. Они обожгли зрителей агатовым огнем. Руки поднялись вверх, ткань скользнула к плечам, обнажив смуглую кожу. Тело девушки упруго и напряжено. Оно хочет собрать каждой своей клеточкой всю теплоту и красоту знойного юга. Матерь Мира не двигается. Вновь появляются Отец-Солнце, Земля и подходят к Лилит. Они протягивают руки, ненадолго загоразивая девушку. Чуть отстраняются. Лилит держит на ладонях шар молочного цвета. Это драгоценная жемчужина мира. Лилит смотрит на боковой выход. На арену высыпалась большая группа актеров. Она одета в алые наряды. Так появляется человечество. Вновь начинается кружение. Оно длится долго.

Наконец танцоры уходят. На песке остается Лилит. Она опустилась на колени. Гибкое тело девушки сделало наклон вперед, прогнулось назад. Движения повторяются, они томны и похожи на танец подводного растения, захваченного течением. Именно в этот момент на площадь, не спеша, выплывает фигура в черном. Хаос. Лицо актера припудрено мелом, глаза и скулы очерчены угольной краской. Кажется, что вместо лица череп. Движения господина небытия осторожны, но ломаны и ущербны, будто его тело скованно болезнью. Он приблизился к Лилит. Она, увидев его, замирает. Хаос делает на этот раз плавное движение рукой и протягивает ладонь так, словно на ней что-то лежит: «Возьми, я предлагаю людям бессмертие, я смогу передать его человечеству лишь через тебя». Лилит встает и делает шаг назад, отстраняясь жестом рук: «Нет». «Нет? Так я захвачу тебя силой» – Хаос молниеносно хватается за руку и заключает в объятия. И тут из всех входов на сцену хлынул поток людей. Множество актеров. Впереди лиловый наряд Матери Мира. Уже не видно длинного шлейфа. Хаос отпустил Лилит и попытался скрыться, но попал в кольцо, и его черный наряд исчез в пестром кружении.

На этом первая часть праздника закончилась. Танцоры поклонились зрителям и покинули сцену.

Властитель встал и поднял руку в приветствии. Все знают, что он скажет. Ган-Дион-Тир сообщает об обретении имени безвестного творца и «Книге Начал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.